

АНАСТАСИЯ ЧЕРНОВА

“ЗДЕСЬ ВСЁ СИМВОЛИЧНО”

Лирика Николая Рубцова

Стихотворения Николая Рубцова, пожалуй, одни из самых загадочных в мировой культуре. Они передают сокровенную тайну и красоту окружающего мира. Сквозь временное и повседневное поэт видит и постигает вечное. При этом мистичность его образов несколько не связана ни с прямым описанием фантастической ситуации, ни с многозначительным и весомым умолчанием. Всё очень просто. Даже незатейливо. Ну, что может быть очевиднее, разве кто сомневается, что

*Звезда над речкой — значит, ночь.
А солнце — значит, день.*

Тем неожиданнее внутреннее свечение, что возникает за текстом. Дымка. Полуявь-полусон. Мгновение — и дневной мир, удобный и привычный, мерцающая, выплывает чудесным видением. И невозможно уже понять, кто изображён в стихотворении: обычные жители Вологды, что спешат по тёмным улицам домой, или тени, бесплотные души, тревожной чередой возникающие из тумана. Как это возможно? Ведь всё так знакомо! Всё просто — до улыбки?!

Или... не так просто? Попробуем разобраться, прочитав хотя бы два его стихотворения.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ГОРНИЦЕ?

Обращаясь к единичному и конкретному фрагменту человеческого существования, к случайному, на первый взгляд, мгновению, которое вот-вот исчезнет навсегда, Николай Рубцов выявляет вечные и неизменные закономерности невидимого идеального мира. Так проявляется способность к широчайшему обобщению, которое происходит не любыми путями, но согласно традициям, определяемым народным мировоззрением.

Так, тип художественного конфликта первого поэтического сборника Н. Рубцова “Волны и скалы” соответствует, по нашему мнению, сказочному противоположению мечты и действительности, чудесного иного царства и своего, условно-реального мира. При определённых художественных предпосылках мечта и реальность могут соединиться, образовав особый идеаль-

ЧЕРНОВА Анастасия Евгеньевна родилась в 1987 году в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького и аспирантуру. Победитель II Славянского Литературного форума “Золотой Витязь” в номинации “Дебют” (2011) и Всероссийского литературного конкурса-фестиваля “Хрустальный родник” (2014). Ответственный секретарь газеты “Православная Москва”.

ный замкнутый мир. Рассмотрим это поэтическое явление на примере одного из самых загадочных стихотворений Н. Рубцова “В горнице”.

Обращаясь к этому стихотворению, исследователи (А. К. Передреев, В. В. Кожин, М. П. Лобанов, Н. Н. Зуев, И. Г. Панова) отмечают, с одной стороны, удивительную простоту, даже элементарность поэтического мира, а с другой – наличие разнообразных символов. Впрочем, одно другому не противоречит: за простотой, как утверждают критики, скрывается глубинный символический пласт.

Современников Рубцова удивляла эта странная, будто даже несвоевременная, чуждая бурному веку космических открытий и новых технологий простота его художественных образов. Такой творческий подход казался устаревшим; простые, “наивные” стихи Рубцова далеко не всегда воспринимались читателями и слушателями. Николай Попов в своих воспоминаниях рассказывает, как однажды поэт читал свои стихи: “Как-то на одной из студенческих вечеринок читались стихи – по кругу. Кому-то было тесно во Вселенной, он задевал волосами звёзды. У другого играли ассонансные рифмы вроде “интересно – интеллекта”, в белых стихах третьего рифма роскошно отсутствовала. . . Настал черёд поэта-первокурсника из Вологды. И произошла некоторая заминка: больно уж всё просто, даже наивно было в его стихотворении. Так и было сказано: мол, парень ты хороший, но поэзия – дело серьёзное. Дружески похлопали автора по плечу”.

Несмотря на то, что произведения, отделанные по последней эстетической моде, набирают всё большую популярность, Рубцов следует своим путём, не обращает внимания на современные художественные веяния. Так зарождается новое направление, в котором за внешней простотой и непритязательностью формы скрывается сложный и богатый мир, до конца не объяснимый. И литературоведы, и простые читатели обычно замечают: что-то привлекает, завораживает в его стихах, но что именно – объяснить сложно; можно только почувствовать.

Несмотря на различие жизненного опыта, исследователи творчества Рубцова подмечают в стихотворении одни и те же символы: горница, звезда, красные цветы, лодка и река. Они-то как раз и транслируют тайный смысл высшей, невидимой реальности.

“Здесь всё символично, – говорит Ирина Панова. – Горница – душа поэта, его искусство; вода – символ чистоты, очищения души; красные цветы – память о матери (“Нёс я за гробом матери // аленький свой цветок”); лодка – как у Харона, перевозчика в страну мёртвых у древних (“С правого берега на левый, // среди цветов в обыденном гробу...”).

Для того чтобы уяснить значение художественных образов и прочесть в их сплетении скрытый сюжет, сначала необходимо определить пространственно-временную основу стихотворения, границу между земным миром и тем светом.

В стихотворении “В горнице” земной мир и тот свет оказываются едиными:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

*Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догнёт совсем.*

*Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!*

*Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...*

С одной стороны, ничего сверхъестественного вроде бы не происходит. В горницу заходит матушка, приносит воды, а лирический герой между тем, мысленно обозревая свой садик, собирается в скором времени заняться налаживанием хозяйства: починить лодку и полить красные цветы. С другой стороны, стихотворение исполнено таинственного смысла.

Матушка приносит в горницу ведро воды. А Грунтовский высказывает предположение, что “вода, разумеется, не для опары принесена, а для омоления”. Но для нас здесь возникает вопрос: для чего могла использоваться вода, набранная в ночное время. Ведь по народным поверьям, ходить ночью за водой категорически запрещено, это то самое время, когда вода становится нечистой и обретает отрицательные магические свойства: “. . . широко известный запрет ходить за водой ночью мотивировался тем, что в ночное время вся вода в источниках оказывается “нечистой”, что в ней “дьяволы купаются” и т. п. По сербским поверьям, набранная ночью вода, безусловно, нечистая, не годится пить такую воду. Кроме того, в “ночной воде” (т. е. принесённой в дом ночью), по представлениям белорусов, нельзя купать младенца и стирать его пелёнки, иначе на ребёнка “нападут ночницы”. Вообще тёмное время суток (как и темнота во время солнечного затмения), согласно народным представлениям, негативно воздействовало на качество воды, набранной в такие моменты. После захода солнца не принято было ходить за водой, и уж, во всяком случае, такую воду не использовали для питья или для купания младенцев. Исключение составляют праздничные дни, “когда — как считалось — в полночь происходят чудесные превращения с водой, она якобы сама собой очищалась в источниках, становилась здоровой, целебной, сильной либо превращалась на короткий миг в вино, кровь, молоко или золото. Именно перелом суточного или сезонного времени воспринимался как момент радикальных перемен в природе, как время чудесных превращений с водой. Поэтому в праздничные дни за водой ходили в полночь, на рассвете, до восхода солнца”.

Думается, найти и указать причину (если это вообще возможно), по которой матушка ночью пошла за водой, не столь важно. Существенно другое: необычность и неоднозначность самого действия, наделяемого в народных представлениях мистическим смыслом.

Молчание матушки также переводит событие из обычного, мирского измерения в область таинственного, ведь “молчание — форма ритуального поведения, соотносимая со смертью и сферой потустороннего”, более того, “отказ от речи часто выявляет принадлежность некоего лица к потустороннему миру и сверхъестественным силам”.

Сакральный смысл художественных образов ночной воды и молчания подтверждает справедливость утверждения исследователей творчества Рубцова, что поэтическое действие стихотворения “В горнице” совершается не в обыденной реальности, но на границе с тем светом. При этом тот свет и этот оказываются единими.

Матушка переступает временную границу, является из мира усопших, но её приход никак не нарушает тишины и покоя светлой горницы. Ничто не тревожит лирического героя, ничто не угнетает, как, например, в стихотворении “Памяти матери”:

*Вот он и кончился, покой!
Взметая снег, завыла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.*

*Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.*

*Там поле, небо и стога,
Хочу туда, — о, километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!*

*Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..*

*Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?*

В этом стихотворении чётко вырисовывается картина *двоемирия*: существует пристанище живых – комната лирического героя, а где-то далеко, во мгле снегов, простирается царство усопших – кладбище. Этот и тот свет направлены друг к другу: с одной стороны, лирический герой стремится “по доброй воле” навестить родную могилу, а с другой – сама матушка стучится в дом. Покой кончился не из-за смутных видений, пугающих звуков, но именно из-за трагической разобщённости двух миров. Ночная пурга, препятствующая желанной встрече, сродни дьявольскому наваждению: “Меня ведь свалят с ног снега, // Сведут с ума ночные ветры!” Не случайно в народе “...опустошительные бури и зимние выгои почитались порождением нечистой силы – рыщущими по полям бесами”.

Пространственно-временные координаты стихотворения “В горнице”, напротив, образуют идеальное царство, существующее обособленно, вне линейных законов земного времени. Противоречие между невидимым, идеальным миром и реальностью оказывается полностью разрешённым благодаря символической многомерности стихотворения. Горница, матушка, звезда, цветы, лодка и др. символы в одинаковой степени принадлежат сразу двум мирам: как небесному, так и земному. Например, свет звезды “как бы соединяет земное и небесное, настоящее, прошлое и будущее” [И. Панова. “В светлой горнице”, 2008]. В литературно-фольклорной традиции символы не только обобщают и замещают то или иное событие, предмет или понятие, но и (что самое главное) – раскрывают его бытийную сущность.

Как верно замечает Н. П. Бабенко (на примере прозы К. Зайцева): “образы церкви, креста, небесных светил в произведениях писателя возводят к высшей реальности и приобретают значение символа: за миром вещей и явлений – феноменальным миром – встаёт мир невидимый, идеальный, ноуменальный”.

В лирике Н. Рубцова действуют те же художественные законы, особенно наглядно они выражены в стихотворениях “Душа хранит”, “Ферапонтово”. Здесь образ Святой Руси представляет собой сотворённую вечность – сакральное пространство, которое никак не меняется во времени. Такие же духовные параметры характеризуют идеальное царство и в стихотворении “В горнице”. Даже то, что подвержено разрушению (в садике завяли цветы, догнивает лодка), не исчезает окончательно и бесследно, но должно обновиться (“буду поливать цветы”, “буду до ночной звезды // лодку мастерить себе”).

Приведём пример изображения идеального царства в творчестве других писателей. И. С. Никитин в стихотворении “Музыка леса” (1855) описывает таинство захода солнца, чудесную игру света, теней и облаков. Розовый лес, открытые небеса, гряда облаков, превращающиеся в медные горы, мосты и золочёные дворцы, как предметы волшебного иного царства, исполнены золотого сияния. Тихая музыка леса навеивает лирическому герою воспоминания:

*Разливайтесь,
Звуки чудные!
Сам не знаю я,
Что мне весело...*

*Всё мне кажется,
Что давным-давно
Где-то слышал я
Эту музыку.*

*Всё мне помнится
Сумрак вечера,
Тесной горенки
Стены тёмные.*

*Огонёк горел
Перед образом,
Как теперь горит
Эта звёздочка.*

*На груди моей
Милой матушки
Я дремал, и мне
Песни слышались.*

*Были песни те
Звуки райские,
Неземная жизнь
От них веяла!..*

*И тогда сквозь сон
Всё мне виделся
Яркий блеск и свет
В тёмной горенке.*

*Не от этого ль
Так мне весело
Слушать в сумерки
Леса музыку,*

*Что при ней одной
Детство помнится,
Безотрадный день
Забывается?*

Никитин прямо сравнивает песню матушки с райскими звуками, “яркий блеск и свет” в тёмной горенке, мерцание лампы перед иконой, похожее на свет звёздочки, матушка – всё навевает лирическому герою ощущение неземной жизни. Это ощущение можно назвать вечным, оно повторяется вновь и вновь, когда звучит на закате дня таинственная “музыка леса”. Художественные описания в стихотворениях И. Никитина и Н. Рубцова во многом перекликаются: действие происходит в ночное время, “сквозь сон”; в полутёмной горенке Никитина горит звёздочка лампы, в горнице Рубцова светло от ночной звезды, при этом на стене дремлет “ивы кружевная тень”.

Если стихотворение Н. Рубцова устремлено в будущее (“буду до ночной звезды // лодку мастерить себе”), то взгляд И. Никитина обращён к прошлому (“детство помнится”). Детское воспоминание преобразует “безотрадный день”, два мира – идеальный и реальный – оказываются едиными.

Ощущение соприсутствия божественного мира передаётся двояким образом: как трагическая разобщённость между земным и небесным миром, с одной стороны, и как их духовная цельность – с другой.

Герой волшебных сказок отправляется на поиски чудесного тридевятого царства, тридесятого государства, которое оказывается мифическим царством мёртвых. В стихотворениях Н. Рубцова лирический герой точно так же желает пересечь границу обыденности, устремляясь к далёкому и неведомому миру. Сквозь пургу и ночные ветры он мечтает попасть на могилу матери или, например, – в другом стихотворении – жаждет найти таинственные зелёные цветы на белых стеблях, увидеть которые, хотя они и не существуют в земной реальности, стало для него неиссякаемой душевной потребностью:

*Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостаёт того, что не найти.*

*Как не найти погаснувшей звезды.
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зелёные цветы...*

Идеальность мира в народном поэтическом творчестве предполагает возможность такой полноты жизни, когда зелёные цветы не только вырастут, но окажутся близкими и доступными для человека, ищущего их. “Вот в этом, можно сказать, четвёртом измерении, – писал о Н. Рубцове Р. Винонен, – коренится его своеобразие и его значение для поэзии наших дней. Он не искал для своих стихов совсем уж необыкновенного слова. Но и в том, что ему удалось сказать, чувствуется знание какой-то невидимой в быту границы, за которой угадывается нечто нравственно незбылемое, где обрываются большие и малые неправды и обиды. Остаётся лишь Добро, безгрешность и святость...”

Иной мир стихотворения Рубцова “В горнице” так же, как и в сказке, соответствует царству мёртвых, чудесному *инобытию*, которое, однако, следует отличать от полного небытия. Без этого важного уточнения наше представление о художественных особенностях стихотворения будет неполным.

В волшебных сказках прослеживается разделение мёртвых на *сущих в инобытии* и ушедших в небытие. Если из *инобытия* умершие могут не только подавать определённые сигналы, но даже вернуться, пройти путь в обратную сторону, как, например, в сказке “Жена-покойница”, то для небытия характерно полное и окончательное уничтожение: так исчезает, рассыпаясь в прах, нечистая сила, если её окропить святой водой (сказка “Упырь”). Герой волшебной сказки стремится попасть именно в *инобытие* – в тридевятое царство, тридешатое государство, для этого, однако, он должен внутренне или внешне измениться. По наблюдению О. Г. Щербининой, переходным мостом из одного мира в другой нередко служит чудесный сон. “Сновидения воспринимались в древности как реальный потусторонний мир, куда на время отправляется спящий. Не удивительно, что для отправки на *тот свет* герою нужно заснуть. А потом опять поспать, пройдя в обратном направлении”. Так проясняется скрытое значение сказочных формул: “Ложись-ка спать, утро вечера мудренее”, “Ты сперва напои-накорми, да спать уложи, потом и выспрашивай!”

Если мы обратимся к первому варианту стихотворения, то заметим, что автор, прежде всего, описывает своё ночное сновидение. Первый вариант стихотворения так и назывался: “В звёздную ночь”. Единство прошлого и настоящего претворяется здесь в чудесном сне, оживляющем “тысячи безвестных лет”. В этой иной реальности, окутанной сном, лирический герой обращается к матушке с вопросом:

*— Матушка, который час?
Что же ты уходишь прочь?
Помнишь ли, в который раз
Светит нам земная ночь?*

Но матушка, как в первом, так и во втором варианте стихотворения, ничего не отвечает. Близость смерти ощущается по сгущению тишины, которая является прообразом запредельной божественной тишины, отображением той вечной тишины, что ждёт нас, “по молчанию людей, как будто хранящих какую-то невыразимую тайну”.

Подчеркнём, что смерть в народном восприятии не равна состоянию небытия. Мир усопших вечно жив, это – *инобытие*, которому лирический герой оказывается сопричастным благодаря сну. Так же, как и в волшебной сказке, сон служит переходным мостом между разными измерениями:

*Сколько же в моей дали
Радостей пропало, бед?*

*Словно бы при мне прошли
Тысячи безвестных лет.*

*Словно бы я слышу звон
Вымерших пасхальных сёл...
Сон, сон, сон
Тихо затуманит всё...*

Происходит смысловое сближение темы смерти и главного христианского праздника – Воскресения Христова. Несмотря на то, что сёла давно вымерли, пасхальный звон церковей слышен так же явственно, как и тысячу лет назад. Временный свет “земной ночи” соединяется с праздником Вечного Воскресения.

Такое сближение является не единичным, но постоянным и закономерным явлением в лирике Н. Рубцова. Например, в стихотворении “Конец” завершение жизни также связано с пасхальными образами весны и колокольного звона:

*Смерть приближалась,
приближалась,
Совсем приблизилась уже —
Старушка к старику прижалась,
И просветлело на душе!*

*Легко, легко, как дух весенний,
Жизнь пролетела перед ней,
Ручьи казались, воскресенье,
И свет, и звон пасхальных дней...*

Кладбище, могилы которого пребывают в состоянии сна, приравнивается к временному пристанищу, к переходному “пункту” в *инобытие*. Так возникает представление, а то и ощущение, что миры живых и усопших разделяет некоторая граница: пространство спящих могил. В черновом варианте стихотворения “Конец” сохранились такие строки:

*А он, взволнованный и юный,
Как веселился! Как любил!
Как за оградю чугунной
Покоил сон родных могил!*

Как герой волшебной сказки, засыпая, переступает из одной реальности в другую, так и в стихотворениях Рубцова чудесный сон, окутывая земной простор, раскрывает иное, существующее вечно царство.

Сохранилось воспоминание поэта Сергея Багрова о том, как Николай Михайлович распевал своё стихотворение “В звёздную ночь”: “Долго сидели мы так, отдыхая. Потом Николай поднялся. Взглянул в окно на покрытую снегом реку и запел <...>. Голос Рубцова плыл на спокойной задумчивой ноте. Я забылся, что я за столом. Песня схватила меня за самое сердце и понесла куда-то сквозь стены дома, и я разглядел большое село над рекой с белокаменной колокольной, откуда звонил и звонил старолицый звонарь. Былое смешалось с сегодняшним, было грустно, но и отраднo, как на вокзале или на пристани, когда уезжает кто-то из близких, однако твой друг остаётся с тобой и снова споёт тебе лучшую песню”. Ощущение нездешнего мира связано с грустью, но грустью особого рода – светлой, зовущей в неведомую даль.

КУДА ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ?

Первый вариант стихотворения Николая Рубцова “Журавли” был написан ещё в середине 1960-х годов и вошёл в сборник “Звезда полей” (1967). Однако потом, на протяжении нескольких лет поэт не раз возвращается к стихотворению, переписывает его, меняет отдельные слова, подбирая более точные;

трансформирует ритмический рисунок, спуская ниже последнее слово строки по подобию “лестницы” и расставляя тем самым интонационные и логические ударения более чётко, с нажимом; некоторые изменения коснулись и знаков препинания — всё это свидетельствует об особо пристальном внимании Рубцова к форме стихотворения.

Но работа над формой не являлась основной и единственной задачей поэта. Форма связана с внутренним содержанием и определяется им. Как замечал сам Н. М. Рубцов в письме к А. Я. Яшину: “Главное, чтоб за любыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создаёт, независимо от нас, форму. А значит, ещё главное — богатство переживаний, настроений (что опять не от нас зависит), дабы не было бедности, застоя интонаций, форм...” (3 ноября 1964).

Итак, подлинное настроение и богатство переживаний — занимают в творческом кредо Николая Рубцова первое по художественной значимости место и определяются им не как что-то рациональное, достижимое кропотливой работой и ежедневным трудом, но, напротив, уподобляются некоей силе, нисходящей и словно бы озаряющей поэта.

Воздействие этой “некоей силы” мы обнаруживаем и в работе Н. Рубцова над стихотворением “Журавли”. Напомним его:

*Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...*

*Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.*

*Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...*

*Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеют душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...*

Внешние реалии стихотворения, на первый взгляд, просты и обычны. Наступила осень. Природа увядает, и стаи перелётных птиц — журавлей — проносятся над городами и сёлами. Мотив “осени” и “октября” как средоточия осенних примет — один из ведущих в русской литературе.

Пожалуй, в творчестве любого поэта можно найти стихи, посвящённые осеннему увяданию, где описание природы соответствует печальным, элегическим размышлениям лирического героя. Вспомним хотя бы Пушкина:

*Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей...*

“Журавли” Н. Рубцова, продолжая традицию русской литературы, таят в себе особое содержание.

Прямых отсылок к устному народному творчеству в стихотворении Н. Рубцова мы не найдём. Ни диалектных особенностей на лексическом уровне, ни каких-либо колоритных, свойственных конкретной местности деталей и описаний на предметном уровне.

Месяц года — сентябрь в первом варианте стихотворения — уже во втором варианте преобразуется в октябрь. Тем самым Н. Рубцов отсекает переходность, размытость временных оттенков, когда летние признаки — тёплая погода, густая зелень, сухой ветер — могут соответствовать и признакам ранней осени, сентябрьским дням. Лето в народном сознании — время зрелости,

расцвета природы, пробудившейся весной; время полноты и завершения развития. Осень — пора увядания, она связана с темой утраты и смерти. Об этом напоминает всё: и “забытость болот”, и “утрата знобящих полей”...

Пространство “Журавлей” можно разделить на две сферы: земля и небо. Причём если земля описывается подробно, представлена через конкретные детали, то небесное пространство скорее подразумевается. Основная характеристика земли — болото. В небольшом стихотворении, состоящем из 84 слов, слово “болото” повторяется 3 раза. (“Болотные стволы”, “болото, забытое вдали”, “забытость болот”). “Забытость” — один из главных признаков болота — содержит в себе значение обездоленности, оставленности, тленности, оторванности от “небесной сферы”. “Забытость” — это и забытьё, без-памятие.

В первой строчке стихотворения мы находим многозначное слово “восток”: “красовался восток огнеликий”. Но здесь из всех нравственно насыщенных и духовно нагруженных значений этого слова используется лишь одно — земное и конкретное обозначение части горизонта, где восходит солнце. И хотя восток “огнеликий”, хотя он “красовался”, заключён восток всё же “меж болотных стволов”, а потому попытка противостоять исходящим от болота “забытости”, обездоленности, оставленности, тленности, разрыву с “небесной сферой” не реализуется. Образ “огнеликого востока”, напротив, усиливает давящую тяжесть характеристик болота.

Если основная характеристика земли — утрата и забытость, связанная с болотом, то небо, по принципу антитезы, характеризует категория обретения и памяти. Тема памяти передаётся через фольклорный символ перелётных птиц, — журавлей. А. Н. Афанасьев в книге “Поэтические воззрения славян на природу” пишет, что славяне “сохранили много трогательных рассказов о превращении усопших в легкокрылых птиц, в виде которых <они> навещают своих родичей. Как скоро душа покидает тело, она, смотря по характеру земной жизни, принимает образ той или иной птицы, преимущественно белого голубя или чёрного ворона”. Такое значение образа птицы подтверждают и многие славянские предания. Например, “кашубы твёрдо убеждены, что души усопших до погребения оставленных ими тел сидят в образе птиц на дымовых трубах и что детские души бывают одеты нежным пухом. В уездах Мосальском и Жиздринском в течение шести недель после чьей-либо смерти стелют на окно белое полотенце, выпуская один конец на улицу, а на полотенце кладут хлеб и верят, что душа покойника есть та самая птица, которая станет прилетать к окну и клевать положенный хлеб”.

Подобное восприятие птицы, свойственное народному сознанию, не раз воспроизводилось в художественных произведениях. Вспоминается фильм Михаила Калатозова “Летят журавли”, созданный по мотивам пьесы Виктора Розова “Вечно живые” в 1957 году. Стихотворение Рубцова, написанное на несколько лет позже, не продолжает ли ту же самую тему, дополняя и развивая её?

Действие фильма разворачивается до и после Великой Отечественной войны, и образ летящих в небе журавлей — один из главных. Вбирая в себя душу усопшего, журавль воплощает непрекращающуюся связь поколений; сближает, соединяя, землю и небо, живых и мёртвых. И не случаен текст шутильной песенки, которую исполняет героиня пьесы Вероника:

*Журавлики-кораблики
Летят под небесами,
И серые, и белые,
И с длинными носами <...>*

*Журавлики-кораблики
Лягушек увидали,
Спустились, садились
И тыщи их пожрали.*

Такие образы послужили толчком к появлению знаменитой песни на стихи Расула Гамзатова в переводе Наума Гребнева “Мне кажется порою, что солдаты... превратились в белых журавлей”.

Николай Рубцов жил и творил в то время, когда память военных лет была ещё особенно острой, когда боль утраты ощущалась каждой семьёй, постоянно напоминала о себе не только через письма и фотографии, но и непосред-

ственно, через свидетельства и воспоминания участников. Сам Рубцов стал сиротой в раннем детстве: в начале войны умерла мать, Александра Михайловна; отец, Михаил Андрианович, ушёл на фронт и к детям уже не вернулся. Эта тема — тема смерти, войны — и тема жизни, что ищет себе смысла и опоры, постоянно будет развиваться в его творчестве, обретая всё новые образы и смыслы.

“Журавль — душа усопшего, его прощальный зов”, — такое понимание птицы свойственно не только древнему, мифологическому сознанию славянских народов, но и сознанию современного человека, что свидетельствует о целостности “фольклорной матрицы”. Простой полёт журавлей — уже событие, и необычное. Слово продолжением стихотворения, его своеобразной интерпретацией является рассказ основателя московского Музея Н. Рубцова М. А. Полётова: “Это произошло 27 марта 2006 года. Жена Попова Николая Васильевича — Ольга Николаевна — с сыном шла в военкомат по улице Вавилова <...> Ольга Николаевна подняла голову и увидела в небе над этим зданием (музеем Н. Рубцова) журавлиный клин. Одна линия клина была короче другой. Известно, что журавли над Москвой почти никогда не летают. Будто сама Душа Поэта ликовала в этот юбилейный год, пролетая журавлиным клином над Рубцовским музеем”.

Журавли появляются в середине осени, в период увядания природы, и громко зовут, будят и возвещают “предназначенный срок увяданья”. Их весть подобна древним библейским сказаниям. В первом варианте сохранилась отсылка на библейскую историю: “сказание библейских страниц”, и позже эпитет “библейских” был замещён эпитетом “древних”; “срок увядания” летящие журавли возвещают, подобно “древним страницам”. Можно предположить, что замена “библейских” страниц на “древние” была вынужденной, редакторами правились и другие стихи поэта; слова, несущие в себе христианский смысл, вычёркивались и заменялись общими фразами, нейтрального значения: “крест”, “Пасха”, как правило, опускались, а “Бог” заменялся словом “жизнь”, как, например, в стихотворении “Выпал снег”.

Вестников из иного царства, из вечности — журавлей — на земле ждут и принимают: “Отворите скорее ворота! Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!”.

“Отворите скорее ворота! / Выходите скорей...”; “широко по Руси машут птицам” — все эти решительные экспрессивные действия характеризуют душевное состояние человека, пребывающего на земле. Это тоже характеристики земли, наравне с забывчивостью, обездоленностью, утратой, принадлежащими болоту и полю. Но только воля и решимость отворить ворота, выйти за пределы земных представлений и переживаний, широко распахнуть руки навстречу небесному и вечному проявляются как отклик на призыв журавлей, отклик, порождённый посланным с небес журавлиным криком.

Если сравнить первый вариант стихотворения с последним, мы увидим, как отношение земного и небесного от характера простого наблюдения, внимательного, но всё же отстранённого, приближается к характеру живому, взаимодействующему. Жители земли, которых разбудил журавлиный зов, в первом варианте — “наблюдатели”. В последнем варианте они уже “участники” действия. “Прощально” поднятые руки меняются на “согласные”, и журавли из “высоких” путников становятся “любимцами”.

Сравните:

Широко по Руси машут птицам прощальные руки — первый вариант.

Широко по Руси машут птицам согласные руки — последний вариант.

Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих — первый вариант.

Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих — последний вариант.

Таким образом проводится мысль о стремлении к неразрывности, к соединению земного и смертного с высшим и вечным, а подобное соединение — согласие — характерно для народного сознания.

В стихотворении Н. Рубцова оно раскрывается через композиционный приём фольклорной лирики — психологический параллелизм, в основе которого лежит принцип аналогии между миром природы и внутренним миром человека. Поиск созвучия между человеком и природой оказывается в стихотворении ключевой творческой установкой.

Своим прощальным криком журавли выражают скрытые, бытийные реалии окружающей действительности, и в этом выражении – их основная художественная роль. Ведь душа и природа оказываются слитными, нераздельными и цельными.

Журавлей ждут и встречают, потому что они творчески возрождают земной мир, наполняют его смыслом. Но смысл возникает не из отдалённых абстрактных теорий, а из самого мира, через его раскрытие и выражение:

*И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...*

Воплощая звуки мира, журавли передают одновременно и волнения, боль и страдания души:

*Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.*

В стихотворении “Журавли” мы видим пространство земное, исполненное забытостью и помрачением, и пространство небесное, которое содержит в себе память и вечное время. Поля, болота – всё это можно назвать одним словом – природа. Это есть пространство земли. А душа – как явление иного, духовного порядка – принадлежит небу, вечности. Красующийся “огнеливый восток” смягчает ощущение полной оставленности земли, однако упоминается он в начале стихотворения всего один раз и принципиально не меняет поэтическую ситуацию. Основное внимание автор уделяет образу журавлей.

Пролетающие журавли оживляют земное пространство, наполняют его смыслом. То, что было разрозненным, противостоящим, становится единым и цельным. Именно на этом этапе, в подобном взаимодействии земли и неба можно говорить о третьей сфере пространства, которую мы пока не упомянули и которую невозможно причислить ни к области звучащего неба, ни к области оставленных болот и полей земли. Это Русь. Возникает она в тесном соединении, наложении признаков забытости и памяти, потери и обретения. В поэзии Н. Рубцова Русь выражают не столько конкретные места, города и деревни, со своим особым, традиционным бытом, сколько само стремление к цельности, к единству земного и небесного. В стихотворении “Последний пароход” летящие журавли и тёмный лес образуют единый согласный хор:

*Одно поют своим согласным хором
И тёмный лес, и стаи журавлей...*

Но и жители земли, в свою очередь, откликаются на призыв хора не разрозненно, но именно цельно, согласно, в одно и то же время:

Широко на Руси машут птицам согласные руки...

Русь – широкая, бесконечная – вмещает в себя не только настоящее, но и прошлое. В письме к А. Я. Яшину за 1964 год (25 сентября) Рубцов рассказывает, как живёт в селе Никольском. Кажется, реалии “Журавлей” взяты из жизни, из окружающей поэта родной природы. “А ещё потому нахожусь именно здесь (в селе Никольском), что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле. Много раз ходил на болото”.

Но за всем этим стоит глубокий смысл, познавая который, мы познаём одновременно и особенности народного мышления, народного сознания, выразителем которого и был русский поэт Николай Рубцов.